

О СУБЪЕКТНОЙ СФЕРЕ ТУРГЕНЕВСКОЙ НОВЕЛЛИСТИКИ: НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА И. С. ТУРГЕНЕВА «ЧАСЫ» (1875)

Г. А. Шпилева, В. А. Бондаренко, У. Ю. Борисова

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 2 сентября 2024 г.

Аннотация: в данной статье рассматривается взаимодействие носителей слова в тургеневском рассказе «Часы», так как при анализе субъектной сферы обнаружено присутствие нарратора-подростка, нарратора-взрослого и экзегетического нарратора, наиболее близкого к «концептированному» автору. Изучение интерференции позиций рассказчиков и повествователя в данном произведении позволяет определить идеологическую точку зрения самого творца созданного текста.

Ключевые слова: экзегетический нарратор, Тургенев, диегетический нарратор, сюжетно-композиционная система, фабула, «концептированный» автор, «концептированный» читатель.

Abstract: this article examines the interaction of word bearers in Turgenev's short story "The Clock", since the analysis of the subjective sphere revealed the presence of a teenage narrator, an adult narrator and an exegetical narrator closest to the conceptualized author. The study of the interference of the positions of the narrators and the narrator in this work allows us to determine the ideological point of view of the creator of the created text.

Keywords: exegetical narrator, Turgenev, diegetic narrator, plot-compositional system, plot, "conceptualized author", "conceptualized" reader.

Тургеневская новеллистика, как известно, характеризуется стремлением автора сделать каждый свой рассказ для читателя незабываемым, «постаринному» занимательным, интересным в своей коллизии и в изображении социально-бытовых деталей. И. С. Тургенев в подзаголовке указал, что «Часы» — это рассказ, то есть такой жанр эпоса, где представлены значимые «ситуация, факт, случай», отражающие «весь мир» личности [9, 51], раскрывающие характер персонажа в его эмоциональной и социальной полноте.

Упомянутый жанр содержит в себе такой «неподвижный» (стабильный) элемент (это может быть деталь или персонаж, например Толстый (Михаил) в знаменитом чеховском рассказе), который при этом влияет на динамику событий; в рассматриваемом нами произведении — это часы, которые и представлены в названии произведения. Все герои «Часов» так или иначе связаны с названной деталью, она их не отпускает, ими управляет, заставляет действовать, проявляя свои основные черты: подросток Алексей, пока еще неуверенный в себе, учится понимать и оценивать поступки людей; его брат Давыд, не по годам мудрый и принципиальный, демонстрирует силу характера, стремится к достижению поставленной цели; незлой, но слабый отец Алексея, не имея возможности повлиять на события, испытывает угрызения совести; ограниченная тетка Пульхерия жад-

ничает и вредит (как может) племянникам; слуга Василий везде ищет свою выгоду и т.д. Очевидно, что часы являются отнюдь «не периферийным моментом образного мышления» [4, 300] Тургенева, а центром рассказа, настоящей проверкой человека, его убеждений, нравственных принципов, силы; например, подросток Давыд едва не погиб (бросая часы в реку), борясь с нечестными людьми. В своеобразном эпилоге «старик», предающийся воспоминаниям, расскажет, что эта «погибшая» в пучине весенней реки вещь имеет для него такое большое значение, что он всю жизнь приобретал различные часы (включая очень дорогие, от известных европейских производителей, например воспетый А. С. Пушкиным «Брегет»), помня о своих самых первых, дешевых и весьма плохеньких.

Отметим, что рассказ создан виртуозно с точки зрения его формы, например, заложенные часов стали основным условием развития фабулы (если согласиться с тем, что это «цепь действий и перемен <...>, мыслимая как нечто внешнее, что могло бы совершаться за пределами произведения» [5, 17]), в рамках которой события объединяются причинно-следственными (каузальными) связями, создавая приключенческую интригу, любопытную для читателя любого возраста (как ребенка, так и зрелого человека). Сюжетно-композиционная система («цепь действий и перемен, но взятая в развитии, совместном с развитием авторского взгляда от начала к концу произведения» [5, 18]) также зависит от движения часов, перехода от персонажа к персо-

нажу. Благодаря этой значимой (центрообразующей) детали в сюжетно-композиционной системе формируется и отражается, пожалуй, самая главная задача писателя, а именно: создание образа Времени, демонстрирующего не только формирование личности, но и ее связь с жизненными обстоятельствами, так как, по утверждению В. М. Марковича, в тургеневском мире «натура человека не замкнута в себе: она открыта для объективных воздействий со стороны общества» [7, 128].

Эта авторская задача подтверждается и образом Пространства рассказа, названные топоры которого охватывают город Рязань, где живут все герои, Москву, куда планирует перебраться Давыд (чтобы строить училища «для бедных»), Сибирь — место ссылки отца Давыда, «дяди Егора», пострадавшего из-за доноса своего родного брата — отца подростка Алексея. Отмечается, что столь далекое недобровольное путешествие Егора было типичным наказанием для свободолюбивых натур в эпоху правления императора Павла I, а слово «якобинство» отсылает читателя к Франции («центру якобинства»), сотрясаемой бурными революционными страстями.

Образ Времени также не ограничивается рязанским детством двух главных героев, так как упоминается 1801 год (смерть Павла и начало царствования Александра I), легендарный 1812 год (мы из рассказа Алексея узнаем, что Давыд падет смертью храбрых, обороняя знаменитый Шевардинский редут, опорный пункт русской армии на Бородинском поле), говорится о 1850-м годе (именно тогда «пишутся» воспоминания Алексея-старика), отмеченном началом заката тридцатилетнего Николаевского правления, развитием тревожных общественных событий в странах Европы.

Столь объемный хронотоп рассказа, сложное фабульное и сюжетное движение центральной детали (часов) требовали создания не менее сложной субъектной сферы произведения, так как «Часы» не ограничиваются малым количеством событий и персонажей. Перипетии героев отразились в речи не одного, а нескольких нарраторов, на наш взгляд, их три: Алексей (пятнадцатилетний мальчик), взрослый Алексей («старик»), предающийся воспоминаниям и, видимо, создающий мемуары в 1850 г., а также *нейтральный* повествователь, близкий к «концептированному» автору (по определению Б. О. Кормана, это «автор как некий взгляд на действительность, выражением которого является все произведение» [6, 8]). Последний (третий) субъект речи по своим морально-этическим, идеологическим взглядам наиболее близок к творцу — к самому Тургеневу. Первый и второй нарраторы являются *диегетическими*, они имеют «собственное имя», «биографию», принадлежат «миру текста», в этом мире они существуют и «совершают какие-то поступки» [8, 203]. Третий нарратор — абстрактный или экзегетический, не-

персонифицированный, он не стал действующим лицом рассказа, а явился «субъектом оценок или диалогических реакций» [8, 203]. Введение трех нарраторов позволяет Тургеневу постепенно раскрывать характеры героев, показывать процесс становления их психологической зрелости, представлять меняющуюся оценку событий внешнего мира, мотивации поступков людей. Многомерное, «ступенчатое» приближение читателя к персонажам, к пониманию их духовного развития, способности отразить события можно видеть и в «Герое нашего времени», однако в лермонтовском романе все три нарратора (Максим Максимыч, странствующий писатель, сам Печорин) — диегетические.

С первым носителем речи, Алексеем-подростком, читатель знакомится в самом начале рассказа, в экспозиции; очевидно, что это личность еще психологически незрелая, его речь характеризуется короткими предложениями, он пересказывает значимые для него события, не анализируя их: «Зовут меня — вы знаете — Алексеем. Я родился 7, а именинник я 17 марта...»; «Егоров сын, Давыд, мой двоюродный брат, остался у моего отца на руках и проживал с нами...»; «Давыд положил часы на стол и отошел прочь молча...» [10, т. 8]. Безусловно, так говорить и писать не может взрослый человек, «старик», которому принадлежат воспоминания. Детская речь, «наивный» синтаксис, осторожные, нечеткие реакции на поступки людей дают возможность читателю и поверить в честность первого нарратора, и задаться вопросом: устоят ли братья в столкновении с недоброжелательными взрослыми? не будут ли они сломлены натиском ограниченных хитрецов, жадин и невежественных глупцов?

Однако уже первый нарратор, безусловно, демонстрирует свои ценные качества (сочувствие бедным людям, желание помочь несчастному Юшке, сыну «сражанта»), стремится понять мотивы поведения окружающих, что является попыткой психологического анализа. Алексею принадлежат портретные характеристики, вот как описан брат Давыд: «Малый он был не глупый, с характером, из себя плечистый, плотный, лицо четырехугольное, весь в веснушках, волосы рыжие, глаза серые, небольшие, губы широкие, нос короткий, пальцы тоже короткие — крепыш, что называется — и сила не по летам!»; обрисован и сребролюбивый жуликоватый крестный Настасей: «Из себя он был пухлый да круглый; а лицо как у лисицы, нос шилом; глаза карие, светлые, тоже как у лисицы». Однако по силам Алексею-мальчику только выстраивать фабульную канву событий («внешний жест»), передать фабульно значимые события: дарение часов, желание отдать их бедным детям (неуверенный в своей правоте Алексей вскоре пожалеет об этом и захочет вернуть часы). Сообщается, что вскоре Алексей и Давыд их закапывают, а впоследствии отбирают у слуги Василия; Алек-

сей крадет их из спальни тетки Пульхерии («я вор, я герой, я молодец...»); в конце концов Давыд бросает в речку этот злополучный томпаковый (сплав меди с цинком) подарок крестного отца. Как видно, развиваясь согласно авантюрной фабуле (что подчеркивает прием градации), злоключения выявляют не только качества сильного характера Давыда, но и демонстрируют становление Алексея: от послушного, робкого, сомневающегося в себе подростка до достаточно смелого озорника, отважившегося на протест: украсть у грозной тетки часы, хотя при этом обмирать от страха (например, при появлении домашнего кота).

Со временем мы можем ознакомиться с рассказом второго нарратора, который назван «стариком», в 1850 г. сообщившим потрясшую его в юности историю, однако это уже, если воспользоваться терминологией Уэйна К. Бута, «unreliable narrator» [3, 159] («ненадежный», говорящий не всю правду). Если первый диегетический нарратор-подросток хотя и наивно, но искренне ведет повествование, то второй, также диегетический, но отдаленный во времени от событий, вводит читателя в заблуждение, несколько обесценивает «бесхарактерного» мальчика, переживающего отъезд дяди Егора и Давыда: Алексея «разлука <...> уничтожила», он «словно осиротел на первых порах и потерял всякую опору в жизни и всякую охоту к ней». Такую характеристику приняли за достоверную и комментаторы рассказа «Часы», противопоставляя двух братьев как *слабого* и *мужественного*. На наш взгляд, в данном случае проявилась авторская интрига, состоящая в том, что мнение «концептированного» автора не совпадает с сообщениями второго нарратора. «Концептированный» автор «виден» в сообщениях об исторических событиях (Отечественная война 1812 года, упоминаниях о сибирской каторге и пр.), его речь отличается не только от речи мальчика, она более сложная, литературная, психологически насыщенная, нежели «слово» самого старика-мемуариста. Подобная картина в субъектной сфере напоминает отношения рассказчик/автор в новелле Л. Н. Толстого «После бала» (1903), где Иван Васильевич после увиденной экзекуции не женился на Вареньке, которую страстно любил, а также решительно отказался делать карьеру («служить»). Сам герой объясняет это тем, что он «никуда не годился», и причиной такого резкого поворота в судьбе стал «случай», управляющий жизнью человека. «Концептированный» автор, скрыто выразивший позицию биографического автора (Л. Н. Толстого), имеет противоположное мнение: дело не в случае, а в *совестливости*, не позволившей Ивану Васильевичу принять социальные устои (вполне «законное» избиение бежавшего из армии татарина), которые, как видно, принимает и поддерживает жестокий и равнодушный отец Вареньки.

Стиль речи второго нарратора, разумеется, сложнее манеры Алексея-мальчика, но именно поэтому у читателя возникает вопрос: для чего «старик» понадобилось сохранить неприкосновенным «слово» психологически незрелого человека (ребенка)? Проявленное лукавство «старика» заставляет предположить, что именно поэтому временами подключается экзегетический нарратор, а это уже вынуждает настороженно отнестись к создаваемой литературной игре. Например, читая обращение отца к чудом спасенному «утопленнику» Давыду и своему сыну, ощущаем объективность и склонность к артистически разыгранному поведению, что не свойственно первым двум нарраторам: «Тебя, любезный мой, — обратился он ко мне, — я выпорю непременно, не сомневаясь, хоть ты поперек лавки уже не ложишься. — Потом он подступил к постели, на которой лежал Давыд. В Сибири, — начал он внушительным и важным тоном, — в Сибири, сударь ты мой, на каторге, в подземельях живут и умирают люди, которые менее виноваты, менее преступны, чем ты! Самоубийца ты, или просто вор, или уже вовсе дурак? — скажи ты мне одно, на милость?!»

Появление *иронии* (по словам Т. Манна, «интеллектуальной оговорки») также позволяет почувствовать присутствие третьей персоны в субъектной сфере «Часов». Формально именно второму нарратору позволено обозначить кульминационное событие, содержащее катарсис, ведь юный Алексей не смог бы передать напряженный момент временного перемирия всех «врагов» двух мальчиков (Василий, Трофимыч и др.), спасших Давыда. Однако упомянутая ирония снова напоминает об экзегетическом нарраторе («И несколько мгновений спустя, Давыд, несомый на рогоже, торжественно вступил под кров нашего дома»), что маркирует «запланированное автором участие читателя в интерпретации текста» [8, 216].

Второй нарратор не все рассказывает о любви Давыда и Раисы-Черногубки (наивный первый нарратор вообще не понял суть этих отношений), но сам Тургенев не мог не создать столь красивую историю, охарактеризовавшую всех главных героев (удивление Алексея, ярость отца и лицемерной Пульхерии, благородство Давыда). С девушкой, безусловно, связан образ «красоты» как «уникальный источник движения к лучшему, в пределе — к спасению» [2, 235], ведь Давыд спасает свою будущую невесту, ее глухонемую сестру, их парализованного отца от нищеты, голода. Выскажем предположение, что так мог бы поведать о любви и сам Тургенев, если бы эти события произошли с ним.

С какой же целью Тургенев создавал такую сложную нарративную картину, и какова роль «просвещающего» в тексте экзегетического нарратора, присутствие которого «концептированный» читатель («видящий» в тексте автора, ловящий его сигналы) явно ощущает? Очевидно, что таким образом созда-

ется задержание сюжетного развития, позволяющее читателю оценить ментальные процессы в сознании героев, а также вспомнить об исторических и политических событиях, врываются в жизнь человека. К тому же третий нарратор «заступается» за Алексея, столь низко себя оценивающего (на фоне смелого Давыда и мужественного дяди Егора); становится понятно, что Алексей развивался медленнее Давыда, но молчаливый, деятельный Давыд, пожалуй, не смог бы столь тонко и эмоционально передать события из «молодых дней».

С появлением в тексте третьего нарратора повествование меняется: уходит просторечия, связанные со сказовой манерой, добавляется философичность, расширяющая коллизию от личной (частной) до общечеловеческой: «С тех пор много уткло воды и много часов у меня перебивало; я дошел даже до такого великолепия, что приобрел себе настоящий брегет, с секундной стрелкой, обозначением чисел и репетицией... Но в потаенном ящике моего письменного стола хранятся старинные серебряные часы с розаном на циферблате <...> От времени до времени, когда я один и никого к себе не жду, я вынимаю их из ящика и, глядя на них, вспоминаю молодые дни и товарища тех дней, безвозвратно утекших...»

Участие третьего нарратора в «остро конфликтном» и динамичном произведении делает его истинно тургеневским, потому что в нем «обнаруживается важнейший закон или внутренняя логика согласования любых противоречий (социальных, исторических, природных) без какого-либо противоестественного их разрешения» [1, 112]. Отмеченная авторская стратегия Тургенева реализуется в рассмотренной нами субъектной сфере рассказа «Часы» в полной мере.

Воронежский государственный педагогический университет

Шpileвая Г.А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

E-mail: 19alex04@mail.ru

Бондаренко В.А., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

E-mail: vikabondarenko1@rambler.ru

Борисова У.Ю., кандидат филологических наук, ассистент кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

E-mail: bananka-ulyanka@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева И. А. «Отцы и дети» И. С. Тургенева как вечный «сюжет» русской жизни / И. А. Беляева // Тургеневские чтения: сборник статей. — М.: Экон-Информ, 2018. — С. 111–125.
2. Беляева И. А. Тургенев, Фет и «идеалы явлений невозможных»: к вопросу о рецепции второй части «Фауста Гете» / И. А. Беляева // Тургеневские чтения [Вып. 10]. — М., 2023. — С. 227–240.
3. Booth W. C. The Rhetoric of Fiction / W. C. Booth. University of Chicago Press, 1961. — 572 p.
4. Добин Е. С. Сюжет и действительность. Искусство детали / Е. С. Добин. — Ленинград: Советский писатель, 1981. — 432 с.
5. Зарецкий В. А. Об основных направлениях сюжетологии / В. А. Зарецкий, Л. М. Цилевич // Сюжетосложение в русской литературе. Сб. статей. — Даугавпилс: Даугавпилсский педагогический институт, 1980. — С. 13–24.
6. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения / Б. О. Корман. — М.: Просвещение, 1972. — 113 с.
7. Маркович В. М. Человек в романах И. С. Тургенева / В. М. Маркович. — Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1975. — 154 с.
8. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. / Е. В. Падучева. — М.: Языки славянской культуры, 2010. — 480 с.
9. Скобелев В. П. Поэтика рассказа / В. П. Скобелев. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982. — С. 51. — 156 с.
10. Тургенев И. С. Часы / И. С. Тургенев // Собрание сочинений: в 10 т. — Т. 8. Повести и рассказы. 1870–1882. — Москва: ГИХЛ, 1962. — С. 189–224. Все цитаты из текста тургеневского рассказа в настоящей статье даются по указанному изданию.

Voronezh State Pedagogical University

Shpilevaya G. A., Doctor of Philology, Professor of the Theory, History and Methods of Teaching the Russian Language and Literature Department

E-mail: 19alex04@mail.ru

Bondarenko V. A., Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature Department

E-mail: vikabondarenko1@rambler.ru

Borisova U. Y., Candidate of Philological Sciences, Assistant of the Theory, History and Methods of Teaching the Russian Language and Literature Department

E-mail: bananka-ulyanka@yandex.ru